

РЕСПУБЛИКА АБХАЗИЯ

Республиканское
государственное
учреждение

АПсны
МЕДИА

Газета издаётся с сентября 1991 года

№ 72 (4486) · 25 сентября 2025 г.

Абхазия готовится ко Дню Победы

■ Президент Абхазии Бадр Гунба провел совещание по подготовке к празднованию Дня Победы и Независимости, а также Дня освобождения Сухума.

В совещании приняли участие Премьер-министр Владимир Делба, руководитель

Администрации Президента Беслан Эшба, вице-премьер, министр внутренних дел Роберт Киут, министр обороны Владимир Ануа, начальник Генерального штаба ВС Владимир Савченко, глава Администрации Сухума Тимур Агрба, заместитель министра культуры Динара Смыр.

Президент отметил, что главный государственный

праздник страны должен пройти на высоком организационном уровне с учетом его значимости для нашего народа.

По поручению Бадр Гунба, 30 сентября, после возложения венков у Мемориала Славы в Сухуме на улице Аидгылара, состоится торжественное прохождение с участием военнослужащих Министерства обороны и

других силовых структур. Также пройдет ограниченный парад военной техники.

Ко Дню Победы будет приурочено открытие после восстановления выставочного зала Союза художников Абхазии, а также запланировано проведение множества праздничных мероприятий.

Ожидается прибытие на праздничные торжества высоких делегаций из России, Южной Осетии и других гостей. Как доложил Президенту

мэр столицы Тимур Агрба, в День освобождения Сухума, 27 сентября, также составлена праздничная программа. В её реализации задействованы все службы и управления столицы.

Президент поручил Премьер-министру Владимиру Делба возложить ответственность за координацию работы ведомств, занятых в подготовке праздничных торжеств, на вице-премьера Джансуха Нанба.

■ Абхазские и чеченские матери героев войны

Они шли через горы. Из Чечни

Наше братство

Заира ЦВИЖБА

■ Встреча матерей погибших бойцов из Сухума и Чеченской Республики состоялась накануне Дня Победы в городе Грозном.

— Ранее мы побывали во всех республиках Северного Кавказа и в Турции и встречались с се-

мьями погибших добровольцев, которые помогли нам одержать Победу в войне с Грузией. И этой нашей Победе уже 32 года. Но мы, матери погибших сыновей из Абхазии, не бывали еще в Чечне. Это нас беспокоило, хотелось поехать и поклониться людям, которые бескорыстно и мужественно отправляли своих детей к нам на помощь, — рассказала после возвращения из Грозного Фируза Чамагуа, руководитель Сухумского отделения республиканского Движения «Матери за мир и социальную справедливость».

— К сожалению, уходят из жизни многие уцелевшие в войну добровольцы, на которых сказались и ранения, и напряжение боёв. Но более уязвимыми оказались, естественно, родители погибших ребят. Из 55 матерей погибших чеченских доброволь-

цев в живых на сегодня остались только пять.

Делегация матерей из Сухума смогла встретиться в Грозном с мамами героически погибших добровольцев Бислана Рассаева, Руслана Алиева и Мусы Абдулгасова — Розой Ескиевой, Мархой Алиевой, Патимат Абдулгасовой, а также вдовой погибшего добровольца Жалавди Кинтаева — Айшат Кинтаевой. Кстати, родной брат Жалавди — Нуради без вести пропал во время войны в Абхазии, его останки пока нигде не найдены. Фируза Чамагуа при этом добавила, что вскоре, ко Дню Победы, в Абхазию должна приехать мать другого без вести пропавшего бойца — Роза Али-

ва, которая сдаст тест ДНК. И как обещал помощник главы миссии МККК в Абхазии Борис Казанба, к которому обратились абхазские матери, будут произведены соответствующие исследования.

Фируза Чамагуа также рассказала о том, что во всех республиках Северного Кавказа, кроме Чечни, родители погибших добровольцев получают выделяемые Республикой Абхазия пособия.

— Вернувшись из Грозного, мы встретились с председателем Пенсионного фонда Денисом Гулария и рассказали о ситуации с Чечней. Гулария пообещал начать выделять ежемесячные суммы пособий семьям погибших.

Фируза Расимовна рассказала еще об одном трагическом факте, связанном лично с ней. Во время операции на горе Ахбюк, когда был сбит вертолет, вместе с её сыном Алмасом Капча погиб чеченский доброволец Ахмед Хамитов. Он был опознан, как и Алмас, после эксгумации 22 года назад. Его сын увёз останки в Чечню и похоронил на родовом кладбище. Фируза сожалеет, что не смогла встретиться с родственниками Ахмеда, но передала им подарки.

Из ныне здравствующих чеченских добровольцев сухумские матери встретились с Анзором Магомедовым, Турпал-Али Байсуевым, Сулейманом Мицаевым, которые участвовали в официальной встрече с сухумскими матерями и сопровождали их по городу и показывали возрожденную столицу Чечни.

Матери двух республик обменялись подарками. А мэрии Грозного сухумские матери передали картину с видом Сухума.

— Спасибо большое мэру Сухума Тимуру Агрба за его моральную и материальную поддержку нашей двухдневной поездки в Грозный. Такие встречи с родными добровольцев очень важны и для них, и для нас, — сказала в заключение Фируза Расимовна.

Ежегодно, накануне праздника Победы, да и не только, мы с благодарностью вспоминаем, помимо участников боевых действий непосредственно на фронтах войны, добровольцев, всех, кто оказывал нам моральную, материальную и военную поддержку извне Абхазии, помогал нам выстоять и победить. Такие материалы часто публикуются в нашей газете «Республика Абхазия». Сегодня мы предлагаем интервью с генерал-лейтенантом Алексеем Сигуткиным, непосредственно находившимся в Абхазии в дни грузино-абхазской войны. Интервью было опубликовано в газете «ВПК» еще в 2007 году.

Брал его у военного специалиста известный журналист Игорь Ленский.

Мы надеемся, что это интервью привлечет внимание наших читателей и откроет новые страницы истории войны 1992-1993 годов.

«В Абхазии я отстаивал российские интересы»

О трудной миссии российских войск в период грузино-абхазской войны 1992-1993 гг. вспоминает бывший замкомандующего ВДВ, ныне первый заместитель председателя Комитета Госдумы РФ по обороне Алексей СИГУТКИН.

– Алексей Алексеевич, когда летом 1992 года вы соби-
рались в Абхазию, знали, что едете на войну?

– По моему убеждению, конфликт начался не в августе 1992-го, а еще в 1989 году, когда в Абхазии уже стреляли. Конфликт то затухал, то возникал снова. Когда я получил приказ в августе 1992-го, это была срочная, экстренная командировка. Непосредственным поводом стало начало вооруженного конфликта и похищение оружия со склада одной из российских воинских частей. Командировка получилась с ходу, с колес. У меня не было времени на подготовку. Все произошло неожиданно. Как только началось вторжение войск Госсовета Грузии в Абхазию, поступило распоряжение министра обороны РФ, которое было отдано командующему ВДВ. Командующий принял решение, что лечу я. Взял чемодан и полетел.

Должность в Абхазии у меня была нештатная. Я был в то время заместителем командующего ВДВ. В Гудауту направили, потому что туда из Гянджи (Азербайджан) был переброшен полк ВДВ. Полк вообще-то должны были выводить в Россию, но на родину он так и не долетел, поскольку началась война. Прибыл я в Абхазию как раз в момент начала событий.

Поскольку были еще и штатные обязанности, то все трое заместителей командующего ВДВ (кроме меня, еще Александр Чиндаров и Виктор Сорокин) попеременно меняли друг друга. Кто больше, кто меньше, но мы находились в Абхазии вплоть до завершения горячей фазы конфликта. В общей сложности я провел в Абхазии тогда семь-восемь месяцев.

– В какой атмосфере вам пришлось работать?

– До начала конфликта я не встречался с абхазским лидером и даже не был с ним знаком. Изучать ситуацию, причины войны, анализировать, как могут развиваться события, что нужно предпринять в поисках урегулирования, пришлось на месте. Прибыв в зону конфликта, встретился с В.Ардзинба, равно как и с грузинским министром обороны Т. Китовани. Был и разговор с Э.Шеварднадзе, состоявшийся по его инициативе.

Потом я много общался и с абхазской, и с грузинской сторонами, причем и те и другие хранили от меня свои секреты. Никто со мной никакими тайнами не делился. Абхазское руководство подозрева-

Фото ИТАР-ТАСС

ло, что «голубые береты» нанесут им удар изподтишка, в спину. Дело в том, что абхазцы обладали точной информацией, что ряд военнослужащих ЗакаВО (в том числе на уровне командования) воевал на грузинской стороне, участвовал в разработке планов вторжения и т.д. Обладая такой информацией, абхазцы опасались и нас, десантников.

■ С абхазской стороны нападений на нас не было. С грузинской стороны происходили регулярные обстрелы из стрелкового оружия, артиллерии, были даже удары авиации. Вертолетных атак на Гудауту мы не допускали. Однако бомбы, сброшенные с грузинского самолета Су-25, разорвались в непосредственной близости от нашей воинской части. Удары наносились также по санаторию Минобороны РФ в Эшерах, по 24-й спецлаборатории, которая в итоге была разрушена. Мы были вынуждены отвечать. Грузинскую сторону сразу предупредили, что будем жестко пресекать любые провокации в отношении российских военнослужащих. А как иначе, если у нас люди гибнут?

– Какие задачи на самом деле выполняли вверенные вам войска?

– На первом этапе стояла задача – максимально обезопасить мирное население. Курортный сезон был в разгаре. В зоне боев оказались десятки тысяч отдыхающих со всей России – причем как с одной стороны фронта, так и с другой. Эвакуация шла с одной стороны через Сухумский морской порт, а с другой – через аэродром Гудауты. Только через Гудауту за неделю авиацией было эвакуировано порядка 20 тысяч человек. Пешая колонна курортников, желающих срочно покинуть «горячую точку», растянулась больше чем на три километра! Эвакуировали мы и грузинское население, в частности села Бамборы (Орджоникидзе) под Гудаутой. Была достигнута соответствующая договоренность, и за ними под мой гарантии прилетели самолеты из Тбилиси, мы обеспечивали безопасность.

Вторая задача – не допустить разрастания конфликта. Третья задача – взять под охрану особо важные объекты. В зоне конфликта, напомню, оказалась 24-я спецлаборатория Минобороны РФ, которая вела сейсмическую разведку, мониторинг испытательных ядерных взрывов в других государствах. В районе Пицунды – два НИИ оборонного на-

значения. В Сухуме – научное учреждение, частью которого был обезьяний питомник.

По ходу конфликта функции и полномочия российского контингента менялись. Когда грузинскую и абхазскую стороны усадили за стол переговоров, договорились о миротворческом статусе российских войск, о собственности на вооружение. Напомню, что на момент начала войны Грузия еще не вступила в СНГ, это произошло лишь в сентябре 1993 года, вероятно, от безысходности, когда абхазские ополченцы уже штурмовали Сухум.

– «Голубые береты» фактически находились на линии огня. Чем это было чревато?

– С абхазской стороны нападений на нас не было. С грузинской стороны происходили регулярные обстрелы из стрелкового оружия, артиллерии, были даже удары авиации. Вертолетных атак на Гудауту мы не допускали. Однако бомбы, сброшенные

с грузинского самолета Су-25, разорвались в непосредственной близости от нашей воинской части. Удары наносились также по санаторию Минобороны РФ в Эшерах, по 24-й спецлаборатории, которая в итоге была разрушена. Мы были вынуждены отвечать. Грузинскую сторону сразу предупредили, что будем жестко пресекать любые провокации в отношении российских военнослужащих. А как иначе, если у нас люди гибнут?

В самом начале войны был обстрелян вертолет, в результате чего погиб наш солдат. Благодаря мастерству летчиков, сумевших посадить горющую машину, в тот раз чудом удалось избежать больших жертв. В другой раз российский сержант выстрелом, произведенным с грузинской стороны, был убит прямо на КПП 24-й спецлаборатории. Понесли мы и другие потери. Приходилось реагировать, чего мы и не скрывали.

– Тогда на вашу голову обрушилось множество упреков из Тбилиси.

– Мы не воевали ни на одной, ни на другой стороне. Мы были на стороне России. Однако, если в отношении нас предпринимались какие-то агрессивные действия, приходилось отвечать еще более жестко. И мы это делали.

По одному из таких фактов Э.Шеварднадзе обратился к Президенту России Б. Ельцину, утверждая, что российские войска воюют на стороне «абхазских сепаратистов». В отношении меня было проведено служебное расследование. Оно показало, что обвинения грузинской стороны безосно-

жья в шену. К счастью, живой остался. А могло быть иначе...

Будем объективны: с Ардзинба, Багапш и Анкваб я общался как с представителями одной из конфликтующих сторон. Я всегда подчеркивал, может, это их и обижало: неправильно думать, что я люблю абхазцев больше, чем грузин. Я больше всего люблю Россию. И отстаиваю ее интересы.

– Сейчас, спустя полтора десятилетия, как вам видятся с высоты времени, вашего жизненного опыта истоки и последствия грузино-абхазской войны?

– Во-первых, я пришел к убеждению, что плохо знал историю СССР. То, как нам ее преподавали в школе, военных академиях, зачастую не соответствовало действительности. Так, я с удивлением узнал, что в 1922 году, когда создавался СССР, союзный договор подписывала Закавказская Федерация в составе не трех республик, а четырех – Грузии, Армении, Азербайджана и Абхазии. Только прибыв в зону конфликта, я впервые узнал, что Абхазская ССР существовала вплоть до 1931 года. Ни в школе, ни в училище ВДВ, ни в Академии Генштаба об этом не говорили. Я впервые узнал, что Абхазия вошла в состав Российской империи совершенно самостоятельно, отдельно от других грузинских княжеств. Я впервые узнал о тяжелых исторических перипетиях, которые происходили в Абхазии в период земельной реформы 1861–1869 гг. Об исходе абхазцев после Кавказской войны, когда за море ушло 500 тысяч человек. Только вздуматься в эту цифру! По последней советской переписи в Абхазии проживало 500 тысяч, и в XIX веке ее покинуло столько же!

Во-вторых, корни этого конфликта лежат глубоко в истории. Периодически они выходят на поверхность в виде вооруженных столкновений. То, что мы, военные, не знали, прекрасно знают живущие здесь народы.

Поэтому я не верю, что сегодня удастся быстро сгладить столь глубокие и давние противоречия, заставить людей забыть о совсем недавно пролитой крови, вот так запросто взять да помирить. Должно пройти много времени, чтобы улеглись страсти, утихли боль и раны.

Реальная задача политиков сегодня – не допустить возобновления конфликта. Попытаться найти приемлемые формы жизни по соседству. Ведь ни грузины, ни абхазцы переселяться на другой край света не собираются. Но в то, что оба народа в ближайшей перспективе будут жить в одном государстве под названием Грузия, я не верю.

Игорь ЛЕНСКИЙ
Опуб. в выпуске №
24 (190) за 27 июня 2007
года [http://vpk-news.ru/
articles/5081](http://vpk-news.ru/articles/5081)

Творческий код Арсения Чакмач

Фаина КОНДРАТЬЕВА,
собкор газеты «РА»
по Очамчырскому району

С Арсением Чакмач я познакомилась на мастер-классе по фотографии – Арсений проводил его летом в Очамчыре вместе с режиссером Александрой Авидзба. Нестандартный подход к искусству фотографии и самой лекции, искренность и эрудированность Арсения вызывали живой интерес. В интервью с молодым талантливым фотографом (Арсению – 24, но его работы уже поражают мастерством) я попыталась ответить на вечный вопрос: из чего рождается творчество? Кодовыми словами нашей беседы стали: поиск... хаос... бунтарство... рефлексия... цвет... трепет... любовь.

До и после 18

Март в Абхазии – время безумных надежд и цветущих персиковых деревьев. В этом месяце родился Арсений – художник, мыслящий в искусстве через призму чувства и красоты. Он вырос в Пицунде, в любящей семье, полной поддержки.

Арсений вспоминает:

– В детстве я не проводил много времени на улице. Пожалуй, мне одному было более понятно, менее колко, менее дискомфортно. Я был в таком уюте, вакууме... неким аутсайдером.

В свое время нашел через соцсети соратников, некоторые из них были намного старше. Мы обменивались интересами – кто что слушает, читает... Мне их находки казались на голову выше, глубже. Ребята читали Кафку, слушали Дэвида Боуи, рок, панк. Меня привлекало всё это – новое, дерзкое. Закалили меня и люди – их эрудированность, знак протеста...

Первые снимки были случайным «прикосновением» к фотографии – по просьбе родных Арсений в 14 лет фотографировал на свой айпад предсвадебное торжество. Результаты, по его словам, были сомнительными, но важно, что понравился сам процесс. Дальше – больше. Стал выполнять фотопортреты знакомых на одолженную у одноклассницы фотокамеру.

А в 19 лет выпустил фотоальбом под названием «18». Арсений рассказывает:

– Фотокнига была посвящена моему лету в Пицунде. Отразилась мимолетность впечатлений: на дворе лето, слышно тресканье цикад, тебе – 18... И все это пролетает на «раз, два»... Открываешь книгу, листаешь фотографии, переворачиваешь последнюю страницу и, – «три!» Запечатлены миллисекунды моего лета – что-то, что неуловимо, размыто, мягко и тепло. Будто открываешь глаза на руках у матери...

Для меня эта книга получилась бунтарской, отличной от того, что делал раньше.

Арсений Чакмач о своем отношении к фотографии:

– Фотография выражает много аспектов того, что я чувствую, как вижу этот мир, замечаю детали, куда смотрю или оборачиваюсь... Это мой способ общения с миром.

Я размышляю через призму искусства, это уже стиль мышления... Даже приготовление завтрака я воспринимаю как искусство...

«Стены» – «высказывая» кадром

Еще один важный для Арсения проект – короткометражный фильм «Стены» – о непростых взаимоотношениях с самим собой и близкими. Ковид, вынужденное нахождение с людьми в одном пространстве, стены...

Арсений вспоминает:

– Я задавал мучившие меня вопросы: что я чувствую, достоин я или не достоин, кто я, зачем, для кого и ради кого? В съемке помогал младший брат Лео. И когда 13-летний мальчишка на вопрос «Что значит для тебя семья в твоей жизни?» ответил: «Все!», я понял, что не имею права ставить это под сомнение. Тогда я тоже все неясные для себя моменты «устаканил» – кому я нужен и какой я нужен.

После завершения фильма боль превратилась в лекарство, и я почувствовал, что стал другим человеком. У творчества есть терапевтическая сила – сублимация. То, что не скажешь вслух, «высказываешь» кадром.

«Ты – дерево, твое место в саду...»

В нашей беседе Арсений несколько раз с теплотой упоминает маму, и я прошу его подробнее рассказать о своем близком человеке.

– Мама, ее зовут Асида, – это для меня... вот сейчас уже слова закончились... Ну, в общем, это неподдельное ощущение чего-то супервеликого в моей жизни. Нам очень друг с другом комфортно, всегда есть о чем поговорить. Это бесконечный поток поддержки, любви, ощущения того, как надо или не надо.

Около полувека назад на том месте, где сейчас живет семья Арсения Чакмач, рос замечательный большой сад. Особенно много в нем было мандариновых деревьев. Так случилось, что родителей Асиды не стало очень рано, и осиротевшая девочка вынуждена была оставить отчий дом. Прошло совсем немного времени, и сад, оставшийся без рачительных рук хозяев, погиб из-за сильных морозов.

Мама вернулась в дом родителей, дом своего детства, создав уже собственную семью – с Лаврентием Чакмач. Памятью из прошлого осталась пара фотографий родителей (бабушки и дедушки Арсения), да несколько деревьев алычи и сливы на месте когда-то благоухавшего сада...

Арсений вспоминает, как еще ребенком строил шалаш в тени выживших деревьев: «Я перевязывал стволы веревкой, накидывал простыни и стаскивал из комнат как можно больше подушек, чтобы мой домик стал уютным. Это было тайное место, где я любил отдыхать в летнее время... Только позже я обратил внимание, что милый домик, раскинутый на деревьях дедушки, находился совсем недалеко от могилы дедушки и бабушки».

Эта связь стала основой для создания серии автопортретов «Ты – дерево, твое место в саду», посвященной уже не существующему дедушкиному саду. Смысл хорошо передан в стихотворении Б. Гребенщикова «Дерево»:

*«Ты – дерево, твое место в саду,
И когда мне темно, я вхожу в этот сад.
Ты – дерево, и ты у всех на виду,
Но если я буду долго смотреть на тебя,
Ты услышишь мой взгляд...»*

Арсений рассказывает:

– Мы восстановили дом, в котором жили родители мамы, теперь это очаг нашей семьи. Он воссоздан с такой любовью, заботой, с таким талантом... У нас есть гостиница, мама там делает все своими руками.

Сад снова зацвел... Мама, отец, я и Лео посадили новые деревья, мы бережем их. Это новый сад, не мандариновый, но я думаю, дедушка был бы доволен. Там, правда, хорошо. Это сад, в котором растет память и новое будущее нашего дома.

На вопрос, кто повлиял на его творчество, Арсений отвечает:

– Ирвин Пенн, Ричард Аведон, Альфред Эйзенштадт, Сара Мун, Джек Дэвисон. У Стива Маккарри восхищает работа с цветом... Работы этих фотографов для меня – культурный шок, стусок чистой энергии. У меня не было специального творческого образования (Арсений по образованию экономист. – **Ф.К.**), и я занимаюсь фотографией на правах самоучки.

Повлияла живопись: Босх, Рембрандт, Веласкес, Веронезе... Люблю старые советские фильмы, фильмы французской школы... Я впитываю разное, но формирую свое.

Я всегда недоволен своими работами и рад этому – авторы должны быть жадными и ненасытными на создание.

Сейчас, например, я полюбил оттенки изумрудно-холодного, синего, ледникового. А раньше любил полную противоположность – что-то обжигающее, апельсиновое, кирпичное. И в принципе, все это уживается во мне...

Многое беру из снов. Иногда просыпаюсь и вспоминаю, что мне снилось – нарочно, чтобы что-то создать. В какое-то время у меня были сонные параличи. И тогда я создал серию портретов чудовища, которое следовало по пятам на протяжении нескольких месяцев... Мы все немно-

го чокнутые. Все говорим на своем языке. И если кто-то понимает тебя, значит, это и вправду твоя родная душа. Думаю, мы все обмениваемся энергией. И понимаем друг друга невербально, например, путем визуального искусства.

Самоанализ, рефлексия, мечты, планы, мысли – это все большой поток энергии, который меня пронизывает. Все это в итоге выливается в творчество.

Жизнь Арсения многообразна, как и творчество. Он побывал в разных странах: объездил Европу, посетил самую южную точку земного шара – Ушуйай, недавно вернулся из Кореи. Однажды ему удалось с друзьями водрузить абхазский флаг на вершину Мачу-Пикчу.

Арсений Чакмач принимает участие в нескольких интересных проектах. Помогает Барасу Куджба, как соратник, в организации Пицундского международного музыкального фестиваля. Недавно фотограф закончил работу над серией «Абхазия – мозаика» (проект направлен на восстановление монументального мозаичного искусства республики).

Фотографом созданы портретные серии: актеров Государственного русского театра драмы им. Ф.А. Искандера и музыкантов Государственного камерного оркестра Республики Абхазия под управлением Давида Терзяна.

С творчеством Арсения можно познакомиться на его странице в Инстаграм: [_chakmach](#)

Интересуюсь мнением Арсения по вопросам современного искусства и, в частности, фотографии:

– Без чего не может состояться хорошая фотография?

– Без личности. Важно, чтобы тебе, как фотографу, было что сказать, чтобы была в этом потребность как автора и понимание – почему ты за камерой.

– Совет начинающим фотографам, которые хотят не просто «щелкать», но чтобы, как вы говорите, за фотографией проглядывала личность?

– Познавать себя очень тяжело. Я хотел бы, чтобы это было всё правдиво, честно. Как человек чувствует, хочет, чтобы он так и создавал. Без мерок, линеек. И, конечно, важна насмотренность – смотреть, анализировать работы хороших фотографов, изучать живопись, кино и литературу.

– Как вы считаете, у фотографии есть будущее?

– Будущее есть, неоспоримо. А вот у кого какая будет стоять задача, другой вопрос. Если говорить о коммерческой фотографии, то, вероятно, она разделится на два лагеря. Есть заказчики, которые хотят получить работы день в день – обработанные, за небольшую сумму денег. Таким людям «таблеткой от головных болей» будет искусственный интеллект: сфотографировал, закинул, он сам всё тебе сделает. Это инструмент для заработка, и часто в итоге – местечковый эффект от «быстро-быстро».

А вот авторская фотография или документальная... ее сложно вытеснить, иначе это будет отрицанием реальности. Человеческая натура не даст вытеснить себя. Потому что много людей творческих, которые готовы привносить, жертвовать собой... Мы все хотим быть нужными. Мы – для кого-то, кто-то – для нас. Так оно и будет работать...

Зависть – самое страшное зло

Почти по Пушкину

■ Жил-был абхазский старик со своей старухой. Жили они недалеко от моря. Жили бедно в ветхой избушке. Старик часто уходил к морю рыбачить, и на столе в его семье рыба была главным продуктом.

Однажды старик выловил ма-

ленькую рыбку, и вдруг она заговорила. Стала просить отпустить ее в море:

– Я отблагодарю тебя, – пообещала рыбка.

– Да что ты можешь дать мне, малыш? – удивился старик.

– Я дам тебе все, что пожелаешь, хотя и есть у меня необычное условие: что бы я ни сделала для тебя, вдвое больше я сделаю для твоего соседа, – уточнила рыбка.

Конечно же, старик рыбке не поверил, хотя и отпустил ее об-

ратно в море, сказав, что они с супругой живут в убогом домишке, в бедности, и мечтают иметь большой добротный дом.

В тот день рыбалка не удалась, и семья осталась без обеда.

Подходя к жилищу, старик не поверил своим глазам: рядом с избушкой он увидел новый двухэтажный дом. Повернул голову в сторону участка соседа и увидел два новых прекрасных дома.

Когда старик рассказал о встрече с рыбкой жене, она велела ему вернуться к морю, вызвать говорящую рыбку и попросить у нее машину, чтобы они могли ездить на ней,

куда и когда им понадобится.

Старик так и сделал, позвал рыбку и передал ей просьбу жены.

– Будет у вас машина, – сказала рыбка и скрылась в глубине.

Еще издали на подходе к дому старик увидел во дворе новенькую машину, а между тем у соседа во дворе красовались две такие же.

Старик, не раздумывая, снова отправился к морю и стал звать рыбку. Она приплыла и спросила:

– Что на этот раз ты хочешь, старина?

– Слепи меня на один глаз! – воскликнул старик.

– Нет, старина, такую просьбу я выполнить не могу. Я создана, чтобы творить только добро, – ответила рыбка и скрылась.

А огорченный старик, не в силах совладать с обидой, вернулся домой.

Шалва БАРЦИЦ,
житель г. Сухума

P.S. Проста мораль этой истории: какие бы времена мы ни переживали, она с нами, вечная неискоренимая человеческая зависть. И в ней – корень всех зол. Увы...

Мысли, навеянные «Тревожной ночью»

(Штрихи к творческому портрету писателя)

■ Держу в руках сборник рассказов поэта, прозаика Анатолия Лагулаа «Тревожная ночь», вышедший в свет в Абхазском государственном издательстве, и как бы непроизвольно, под натиском бдительной памяти, погружаюсь в духовно близкий мне волшебнo-восхитительный мир его ранней лирики и прозы.

Было это в конце 70-х годов прошлого столетия. Такое обманчивое ощущение, будто это было вчера, но, увы, полувековой духовно-познавательный слой сурово-своевольной эпохи, мгновенно отрезвляет сознание и память, отменяя прочь иллюзии и эмоции: ведь это было недавно, но это ведь было давно?! От тогдашних стихов поэта, пришедшего к нам в Сухум из живописно-причудливой Аимары, – преимущественно пасторально-интимных, веело ароматом первых весенних цветов, подснежников, проникновенных чувств, эмоций, неким притягательно-соблазнительным пафосом юной бернсовской страсти. И этот диковинно-первозданный члоуско-аимарский шарм подхлестывался, как бы исподволь магией и божественностью неподражаемого шинкубовского стиха и слога.

По крайней мере, я помню его лирику такой яркой, броской, волнующей абхазскую молодежь, на редкость метафоричной, несущей в себе фольклорно-рапсодийное начало. Причем любовные стихи Лагулаа-поэта были достаточно утонченно-напевны. Язык поэта, творившего в расщелинах сияющих абхазских гор, воздухом был особенным: он дышал одухотворяющей свежестью. Такое создавалось ощущение, что он приехал из Аймарского предгорья в Сухум со своей манерой письма, своими интонационными курсивами, рефренами, игрой слов и изысканных эпитетов, со своей непохожестью на других авторов. И постепенно эта индивидуальная писательская особенность доста-

точно колоритно трансформировалась и в его ранних рассказах, в которых абхазская природа и ее волшебство, интимный мир поэта приобретают особую сакральнo-магическую мотивацию и звучание.

Со временем рассказы Анатолия Лагулаа наполняются глубоким смыслом, нотками психологического самопостижения писателя, уверенно овладевающего тайнами литературного ремесла. А язык и стиль мастера шлифуются временем, житейским опытом, насыщаются новыми тонами и красками, постепенно становясь достаточно экспрессивными, живописно-ассоциативными.

Такими выстрадавшими, увиденными сквозь призму сложных жизненных перипетий, воспринимаю я любовные метаморфозы, изображенные писателем

в повести «Сольвейг». Вещь отдаленно напоминает мне дух и аромат любовных страстей героя культового романа Сэлинджера «Над пропастью во ржи...»

В этом блестящем рассказе Анатолия Лагулаа романтика и яркие всплески первой любви переданы весьма утонченно, глубоко, психологически убедительно. Сразу замечу, что в развитии образов, усилении их подспудного, сквозного воздействия Лагулаа-прозаика помогает его превосходное владение технологией диалогов, монологов, лирических отступлений. И все эти стилистические штрихи и мазки зримо и пластично отразились, в частности, в художественной ткани достаточно драматичного рассказа «Отец». Анатолий Лагулаа – тот профессионально сформировавшийся представитель современной абхазской прозы, кто, следуя путем исследований (их основу заложил выдающийся Алексей Гогуга) подсознательного мира маленьких, незаметных людей, умеет познавать богатый, завуалированный, порой безликой обыденностью, мир их тонких ощущений и скрытых в подкорках сознания рефлексий.

В «Сольвейге» автор дерзнул уйти от штампов излишне табуированного и чрезмерно скупого изображения любовных сцен, свойственных изначально традиционной абхазской ментальности. Но в то же время здесь найдена хрупкая золотая грань, позволяющая прозаику сыграть на слабых струнах сопереживающего читателя. Замечу как бы попутно, что в прозе Лагулаа изнутри проглядывается бдительный взгляд Лагулаа-лирика... И здесь мы наблюдаем синтетическое взаимопроникновение лиризма мастера и глубины постижения им подсознательных импульсов своих героев. И все эти нюансы талантливо сохранены и переданы замечательным абхазским писателем, переводчиком Виталием Шария, чья жизнь оборвалась слишком рано. На высоком художествен-

ном уровне осуществлены и переводы, выполненные блестящим мастером прозы Дауром Начкебиа, превосходным поэтом-переводчиком Алиной Жиба.

Драму грузино-абхазской войны, ее страшные разрушительные последствия раскрывают рассказы «Родина – одна...», «Грабители могил», «Ануаа-Рху», «Она погибла чистой...». Наиболее яркой, пропущенной через фильтр муки переживаний, на мой взгляд, является повесть (так я условно определил бы жанр этой вещи) «Ануаа-Рху». В ней писатель смог достаточно глубоко, многогранно и многопланово воспроизвести всю мерзость, дикость, безнравственность, присущие злонамерениям и преступным злодеяниям тех новоиспеченных «тбилисских вождей», кто цинично толкнул своих молодчиков и остервенелых голодранцев в пучину кровавой вакханалии, развязанной в мирной и свободолюбивой Абхазии в августе 1992 г. Рассказ «Ануаа-Рху» Анатолия Лагулаа, в котором спрессованы характерные и не блекнущие от времени и сроков давности сюжеты невидимой стороны абхазской трагедии, – весьма небрежно затуманенной всякого рода ангажированными борзописцами, – это, с моей точки зрения, одна из лучших вещей, посвященных в абхазской малой прозе пока еще слабо и однобоко освещенной военной тематике.

В целом сборник «Тревожная ночь» я склонен оценивать как знаковое явление современной абхазской литературы, небезосновательно претендующей на высокий профессионализм. Я хотел бы от всей души поздравить своего друга с выходом в свет весьма содержательной, актуальной книги, прокладывающей еще один надежный мостик в мир русского читателя, во все времена внимательно и трепетно отслеживающего новшества и значительные достижения современной абхазской литературы. Достаточно результативно освоив основные художественно-изобразительные возможности классических жанров, абхазская литература ныне весьма успешно постигает таинства «магического реализма» и мифопоэтического осмысления феномена абхазского духа и художественного мировидения.

Владимир ЗАНТАРИА,
писатель, академик

Не могу промолчать...

Глас политолога

■ В редакцию газеты «Республика Абхазия» обратился известный политолог Константин Думаа с просьбой выслушать и опубликовать его мнение о выступлении на 69-й Генеральной конференции МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергии) замминистра иностранных дел Грузии Лаши Дарсалия. В своем выступлении представитель Грузии заявил, что «ядерные риски» со стороны «оккупированной Абхазии», «сепаратистского региона» «представляют серьезный вызов для ядерной безопасности».

– Естественно, услышать такие заявления, такие эпитеты в адрес нашей Абхазии и промолчать – недопустимо. Поэтому хочу особо отметить, что отклик нашего Министерства иностранных дел был и очень оперативным, и очень убедительным.

тельным, – сказал Константин Несторович Думаа. – Заместитель министра иностранных дел РА Одиссей Бигвава отметил, что неприемлемо использовать термины «оккупация» и «сепаратистские регионы» применительно к нашей республике. Он подчеркнул, что Абхазия является государством, независимость которого подтверждена волеизъявлением ее народа, ее суверенность признана Российской Федерацией и рядом других стран.

Продолжая разговор, наш собеседник отметил, что в отклике Министерства иностранных дел очень актуально то, что заявления Дарсалия о «серьезных вызовах ядерной безопасности» в Абхазии названы выдуманными, не соответствующими действительности, бездоказательными и являются частью информационной кампании, направленной на дискредитацию Абхазии и России».

– От себя я хочу добавить еще то, – сказал Константин Думаа, – что в дни, когда народ Республики Абхазия празднует 32-ю годовщину Победы над грузинскими агрессорами в Отечественной войне народа Абхазии, отмечает все реалии, сопут-

ствующие этому великому историческому событию, когда современная Абхазия сама строит свою жизнь, укрепляет отношения со своим стратегическим партнером и другом Российской Федерацией и с другими странами, называть ее «оккупированной территорией», «сепаратистским регионом» – значит, проявить политическую неграмотность, отсутствие истинного восприятия жизненных и исторических реалий. Я убежден, что для Грузии в ряде ситуаций лучше промолчать, не будоражить память людскую. Но, как видим, прошедшие 32 года и мало чему научили, и анализировать отучили, и опытом не обогатили... Как говорить, урок не впрок. И это – себе дороже.

Редакция выполнила
просьбу К.Думаа,
его отклик представлен читателю

Константин Несторович Думаа окончил филологический факультет Сухумского государственного педагогического института имени А.М.Горького.

В 1969 году окончил аспирантуру в Институте философии АН СССР, защитил диссертацию по теме «Роль новых традиций в формировании личности».

Кандидат философских наук, профессор-консультант кафедры философии и культурологии Абхазского государственного университета.